
КАТАРИНА
Мэйн
УНИВЕРСИТЕТ
ФУТБОЛИСТ
Зачем тебе новенькая?

Катарина Мэйн
Футболист. Зачем тебе новенькая?

https://litres.ru/74859232
SelfPub; 2026

Аннотация

В новом университете мне на первом семинаре доверяют секундомер. Выступать я буду когда-нибудь потом. И тут Назар, футболист, которому сразу с нескольких парт предлагают место, спрашивает при всей группе, сама ли я вызвалась следить за временем. Через минуту я уже у доски. А ещё через минуту спорю с ним.

На факультативе по письму у нас стоит деревянный ящик для конвертов. Я подписываюсь Сойкой. Человек, который мне отвечает, зовёт себя Мелом. Ему я и признаюсь, что мне нравится Назар. На бумаге это получается куда проще, чем сказать хоть что-нибудь самому Назару.

А потом Назар сам приглашает меня в кафе. Я соглашаюсь. До пятницы ещё целый день, и мне хочется поделиться новостью с Мелом. Только на моё последнее письмо он так и не ответил

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	50
Глава 9	56
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Катарина Мэйн
Футболист. Зачем тебе новенькая?

Глава 1

На моём первом семинаре в новом университете мне доверяют секундомер.

Накануне я до часу ночи сижу над схемой первого корпуса: хочу найти аудиторию и успеть на семинар. Схеме лет пятнадцать. На ней ещё есть два выхода во двор, а утром я нахожу только один. Там, где должен быть второй, к стене придвинут шкаф с вёдрами. Сторож видит, как я заглядываю за него, и спрашивает, не потеряла ли я кого-нибудь.

Аудиторию я в конце концов нахожу. Пока жду начала пары, добавляю к вчерашним слайдам пару утренних снимков и записи с подсчётами у дверей. Тема семинара — как мы пользуемся университетским пространством. Вот у меня и появился свежий пример.

— По четыре минуты на человека, — говорит староста, кладёт расписание выступлений на край моего листа и прижимает его пальцем. — За тридцать секунд до конца поднимай руку. Преподаватель увидит.

В списке три фамилии. Моей среди них нет.

— А я когда?

— На следующей неделе. Ты пока посмотри, как мы выступаем. — Она подвигает ко мне стул, который я успеваю поймать за спинку, пока он не стукает по батарее. — Садись сюда. От окна тебя все увидят.

Мне двадцать один, я на третьем курсе, а опять приходится гадать, где тут можно сесть. В прежнем университете я могла прийти за минуту до пары и найти свою кружку с чаем на парте рядом с подругой. А здесь утром чуть не сказала «извините» чужой сумке, когда положила рядом тетрадь.

Пока преподаватель разбирает бумаги, запускаю секундомер. Через пару секунд нажимаю «Стоп» и прислушиваюсь. Телефон молчит. Хоть кто-то из нас умеет делать своё дело тихо.

В аудиторию входит парень с влажными волосами и футбольной сумкой. Из бокового кармана торчит носок. Он замечает его раньше всех, запихивает внутрь и поднимает голову.

— Назар, сюда! — Девушка в первом ряду снимает со стула кожаную куртку. За ней раздаётся ещё одно «Назар», и кто-то у стены стучит по столешнице, показывая, что рядом тоже есть место.

Он машет девушкам, а сумку ставит под ближайшую парту, прямо передо мной.

— Я на две минуты опоздал или вы уже успели меня вы-

черкнуть?

— Ты второй, — говорит староста. — У тебя распечатка есть?

— У меня есть хороший почерк.

Он достаёт сложенный вчетверо лист. На обороте видна схема поля с кружками. Один кружок обведён так густо, что бумага там протёрлась. Назар разворачивает лист, бросает взгляд на мой телефон, потом на расписание.

— А почему у неё секундомер? Она просила?

Сперва я кошусь на девушку через проход. Та уже второй раз сверяется с часами. Но староста поворачивается ко мне.

— У нас новенькие сначала смотрят, как выступают остальные.

— Повезло мне, что в сборной об этом не знают. Я в первом матче уже мяч трогал.

Парень у окна прыскает. Староста поворачивается к нему, но замечает, что из-под расписания торчат мои записи. Приподнимает лист.

— Стелл, ты хочешь выступить?

Поддеваю ногтем угол своего листа. Я вчера нашла старую фотографию того крыльца. Даже стрелку дорисовала потолще, чтобы её было видно с последней парты. Так и останется у меня в ноутбуке?

Блокирую телефон.

— Да. Поставь меня первой, пожалуйста.

За соседней партой перестаёт шуршать пакет с печеньем.

Преподаватель поднимает голову. Я уже держусь за спинку стула, чтобы встать, и только теперь замечаю, как крепко вцепилась в неё.

— Начинайте, — говорит он. — А после выступления напомните фамилию. Вас пока не добавили в журнал.

У доски кабель для проектора потёрт до белого. Я вставляю его в ноутбук. На экране успевают появиться мои вчерашние поисковые запросы, в том числе «вход первый корпус где вообще». Закрываю вкладку. В первом ряду кто-то хмыкает. Я тоже бы посмеялась, если бы утром не обошла здание два раза.

Первый слайд — то самое крыльцо со старой фотографии. На следующем уже мой утренний снимок парадного входа. Мужчина видит телефон, поправляет воротник и тут же придерживает дверь перед девушкой с картонным макетом. Макет в проём не проходит.

— С восьми пятидесяти двух до восьми пятидесяти семи через парадную дверь прошли шестьдесят три человека, — говорю я. — А теперь посмотрим, что у нас с боковой.

Показываю два утренних снимка боковой двери. Изнутри над ней висит табличка «Выход». Снаружи таблички нет, а ручка выгнута так, что кажется сломанной.

— Её после девяти отпирают, — говорит Назар. — Перед тренировкой там народ постоянно ходит.

— Сегодня в восемь сорок она уже была не заперта. Я проверила ручку и постояла рядом семь минут. За это время ни-

кто не зашёл.

— А как с улицы поймёшь, что там можно войти?

— Вот именно. — Я показываю на снимок с улицы. — Я бы сама мимо прошла, если бы с обратной стороны не видела табличку. Если я в университете первый день, мне через какую дверь идти, по-твоему?

— Через ту, из которой люди выходят. Я бы подождал.

— А я уже опаздываю.

— Тогда вместе опоздаем. Ты какую аудиторию ищешь?

Я должна переключить слайд. Палец лежит на клавише, а я смотрю поверх ноутбука на Назара. Он прикусывает губу, чтобы не рассмеяться. Господи, да почему я до сих пор тоже улыбаюсь?

— Сегодня уже нашла, — отвечаю я и переключаю слайд.

Девушка, которая держала Назару место, поднимает руку. Говорит, что с рулоном ватмана вообще ходит через переход на втором этаже. Мы отмечаем его на схеме, и я стираю половину своей стрелки. У самого поворота висит расписание для преподавателей. Я решила, что дальше идти нельзя.

На четвёртой минуте я жду сигнала, но староста смотрит на схему. На пятой преподаватель спрашивает, сколько дней я стояла у дверей. Отвечаю, что один. Он говорит, что шестьдесят три человека — это пока только пять минут одного вторника. Поздно, конечно, убирать со слайда цифру, которая занимает половину экрана.

Возвращаюсь за парту. Девушка с первого ряда наклоня-

ется в проход.

— Если будешь ещё снимать вход, позови. Мне для работы надо мальберты по корпусам развозить, покажу, где проще.

— Позову. У тебя есть схема перехода?

— Есть ключ от двери, которая на схеме не отмечена.

Она улыбается и протягивает мне упаковку печенья. Я успеваю взять одно до того, как староста объявляет Назара.

На доске он рисует скамейку. Я едва не спрашиваю, для тех ли она, кто ждёт у входа. Назар дорисовывает две лестницы и рассказывает, как в спорткорпусе шесть раз за неделю столкнулся с одним и тем же парнем и каждый раз прошёл мимо.

— А в седьмой раз что меняется? — спрашивает преподаватель.

— На седьмой я здороваюсь. Тут-то и выясняется, что он со мной уже два раза поздоровался. Я оба раза не расслышал.

Назар ждёт, пока все перестанут смеяться, и отмечает на схеме стеклянную дверь. Перед тренировкой игроки собираются у неё. Если поставить там вторую скамейку, объясняет он, новеньким не придётся ждать у стойки в трёх шагах от остальных. На всё у него уходит три минуты. Под скамейкой он ещё успевает нарисовать мяч, похожий на подсолнух. Смотрит на него и стирает рукавом.

К концу пары у меня на распечатке четыре новых пометки. Рядом с цифрой шестьдесят три я приписываю: «Заме-

рить ещё раз».

В коридоре уже толпа. Староста меня догоняет и трогает за край рукава.

— Тебя уже добавили в чат? Давай добавлю. И скинь туда слайды, ладно? Я тоже один раз свернула у того шкафа с вёдрами. Там уборщица на меня так посмотрела, что я чуть тряпку у неё не попросила.

Я достаю телефон, принимаю приглашение и успеваю разглядеть пару смешных аватарок, прежде чем в чат прилетает фотография с семинара. У доски видно только мой локоть и огромную цифру шестьдесят три. В прежней группе мы могли неделю переписываться исключительно номерами кабинетов.

— Зато теперь все знают, как найти вход, — говорит Назар.

Он стоит у подоконника. Девушка в кожаной куртке отдаёт ему сложенный лист, который он забыл на столе. Он суёт лист в сумку, а она по дороге к лестнице спрашивает, придёт ли он вечером на площадку. Назар отвечает, что к началу не успеет. Потом берёт с подоконника бутылку воды и смотрит на меня.

— Ты же понимаешь, — говорит он, — что при первом удобном случае я тебе покажу, как туда заходят нормальные люди?

— Понимаю. А я покажу, где ставят скамейку, чтобы к ней подходили с обеих сторон. Ты её вплотную к стене на-

рисовал.

Он смотрит на меня секунду, другую. Потом ставит бутылку обратно, достаёт измятый лист и разворачивает его прямо на подоконнике.

— Покажи. А завтра в восемь сорок приходи к боковой двери. Посмотрим, сколько человек заметят её, если им никто не подскажет.

На телефоне звенит будильник: пора в столовую, пока там можно сесть где угодно. Вижу, как Назар придерживает ладонью край листа, чтобы тот не свернулся. У стены я бы тоже оставила его скамейку, если бы у меня сегодня с утра было куда сесть.

Выключаю будильник и беру у Назара ручку.

— В восемь сорок. Только останемся до девяти. Хочу увидеть, почему у тебя там все ходят, а у меня — ни души.

Глава 2

В восемь сорок Назар стоит у боковой двери с горячим пирожком. У меня в кармане ручка, в руках блокнот, а на завтрак я успела выпить полкружки чая. Теперь очень стараюсь смотреть только на дверь.

— Могу поделиться, — говорит он.

— Зачем?

— Ты уже третий раз смотришь, где у него шов.

Он разворачивает бумагу и разламывает пирожок. Из разлома торчит капуста. У меня даже варежек нет, а пальцы так окоченели, что с горячей половинкой в руке становится легче.

— Записываем только тех, кто входит? — спрашивает Назар.

— И тех, кто подходит проверить ручку. Вдруг дело в ней.

— Я вчера вечером специально проверил. Если приподнять, дверь открывается.

Он ставит сумку на ступеньку. На ремне на этот раз всё застёгнуто, зато из внутреннего кармана куртки торчит краешек знакомого листа. По сгибу я узнаю схему со скамейкой.

— Ты её с собой носишь?

— У меня там и состав на субботу. Пока носишь список, есть шанс, что тебя из него не вычеркнут.

По двору идут две девушки. Одна замечает Назара и начи-

нает махать ещё из-под арки. Назар успевает вытереть пальцы о бумагу, прежде чем она подходит. Она спрашивает, придёт ли он на день рождения в субботу. Он обещает написать после матча, а стоящая рядом вторая девушка тянет её за рукав и кивает на боковую дверь.

— Вот же она. Я тебе говорила, открыто.

Обе входят. У первой в руке стакан, поэтому она берётся за ручку снизу, приподнимает дверь и толкает плечом, привычно, без остановки. Я рисую две палочки.

— Твой пирожок пойдёт в графу «непредвиденные расходы», — говорю я. — Иначе ты сможешь купить показания.

— За полпирожка я хочу только, чтобы ты красиво нарисовала мой вклад в науку.

Следующие восемь минут никто даже не поворачивает головы. Люди идут вдоль стены, сворачивают к парадному крыльцу. У одной девушки подошва отклеивается от носка ботинка. Она останавливается как раз перед нами, поправляет её и хромает дальше, хотя у нас до двери два шага.

Я уже придумываю, как описать разницу между удобным входом и привычным. Назар смотрит на часы и почти сразу убирает сумку со ступеньки. Когда до девяти остаётся пара минут, изнутри открывается дверь. Выходит мужчина в сером свитере, ставит под неё деревянный клин и исчезает обратно. Через полминуты сюда сворачивают первые трое.

— Вот твои девять часов, — говорю я.

— Снимай, раз пришла.

Перехожу на другую сторону двора и вижу, что теперь проход заметен издалека. Между дверью и косяком появляется светлая полоса, на ступеньку падает прямоугольник света. Ручку с этого места я вообще не различаю.

Успеваю сделать две фотографии. Смотрю в блокнот. Семнадцать палочек за четыре минуты. Назар прислоняется рядом к ограде и заглядывает в мои записи.

— И сколько теперь ты наблюдала за входом?

— Два дня.

— Ещё день, и перед цифрой можно будет оставить полслайда.

Хочется стукнуть его блокнотом. Вместо этого я показываю две свежие фотографии подряд. Он берёт мой телефон за нижний угол и наклоняет экран, чтобы пропал блик.

— Вот теперь я вижу, о чём ты вчера говорила, — говорит он.

У него на ладони мелкий порез у основания большого пальца. Плёнка пластыря отклеилась. Я открываю рот, чтобы спросить, где он так, но у двери уже кто-то зовёт его по фамилии. Парень в спортивных штанах показывает на часы.

— В субботу придёшь? — спрашивает Назар.

— Смотреть, как тебя вычёркивают?

— По возможности после первого гола. Приятнее знать, за что.

На выходе со двора я вспоминаю, что так и не ответила. Назар уже догоняет своего знакомого. Громко спорит с ним,

кто вчера забыл насос. Я могла бы окликнуть его и сказать, что пока даже не знаю, где у поля зрительский вход. После пары в сумке вибрирует телефон. Мне пишет секретарь факультета. Просит прийти до полудня с зачёткой, справкой о переводе и паспортом.

Полдень через тридцать семь минут. Справка лежит в ящике стола в общежитии. Я успеваю доехать туда, несколько секунд ищу ключ, а потом обнаруживаю, что он всё это время висит на кольце рядом с пропуском.

В кабинете маленький стол занят картонными папками. Секретарь ставит мою справку между двумя стопками и заводит на меня карточку. У окна двое студентов обсуждают, кто из них забирает ведомость. Я стою у стула и никак не решаюсь спросить, можно ли сесть. Уже второй за сегодня.

— Стелла, вот смотрите. — Она разворачивает ко мне монитор. — Картографирование и полевые методы у вас в прежней программе были другими курсами. До конца семестра нужно закрыть оба. По полевым методам будет защита проекта. Вы вчера уже виделись с преподавателем на общем семинаре. Туда ходят и третьекурсники, и выпускники.

— А если я только перевелась, в общую группу успею?

— Подойдите к нему после пары. Он видел ваш доклад, ему проще будет дать вам материал.

Мне протягивают расписание пересдач прошлых лет для ориентира. На нём декабрьская дата, обведённая красной ручкой. Разглаживаю лист на колене. Стул подо мной кача-

ется. Вот когда я всё-таки успела сесть?

Следующая пара у меня в два. Я иду в столовую на полчаса позже обеда. Свободных мест много ровно до тех пор, пока не замечаешь, что в каждом углу уже кто-то сидит. У круглого стола разговор о преподавателе, которого я не знаю. На длинном стоит чужой ноутбук, и его хозяйка ушла к раздаче. Возле окна девушка быстро убирает шарф с соседнего стула. Я уже делаю шаг к ней, когда она смотрит мимо меня и машет вошедшей подруге.

Ставлю поднос у стены. Могу пить чай и читать лист из деканата сколько захочу. Никто не помешает. В какой-то момент я даже переворачиваю лист, хотя на обороте расписания ничего нет.

После обеда замечаю на доске у библиотеки записку про факультатив по письму. Открытое занятие сегодня, в половине пятого. Моя последняя пара заканчивается в три двадцать. За час с небольшим можно успеть отнести бумаги и ещё раз обойти университет, пытаясь найти нужную комнату. Внизу приписано мелкими буквами: «Спросите у дежурного. Второй этаж, дверь возле настенных часов». Кто-то уже подумал о людях вроде меня.

В комнате с часами преподаватель выставляет на стол деревянный ящик. Спереди у него узкая щель, из которой торчит отслоившаяся полоска лака. На крышке пятнышко от кружки. Нас двенадцать человек. Студент напротив меня берёт из стакана карандаш, а потом без слова подталкивает

весь стакан в мою сторону.

— Если хотите попробовать, будете писать друг другу, — говорит преподаватель. — Можно придумать подпись. Конверты я распределю между двумя группами. Вы можете писать человеку, который приходит в другой день. Пишите о чём угодно. Если захотите выйти из обмена, оставьте мне записку. Чужие письма по аудитории не ходят.

Он раздаёт квадратные листы. За дверью кто-то спрашивает, можно ли забрать конверт на следующем занятии. Преподаватель отвечает, что можно прийти раньше, в часы работы библиотеки. Я переворачиваю лист. Здесь можно начать разговор с одной строчки. Никого не придётся ловить у двери.

«Сколько раз можно обойти столовую с подносом, прежде чем все поймут, что тебе некуда сесть?»

Для подписи я выбираю сойку. Сегодня одна сидела на ограде первого корпуса и орала дольше, чем я продержалась с секундомером. У неё хотя бы получилось привлечь внимание без чужой помощи.

Заклеиваю конверт. Уже опускаю угол в щель, когда из кармана на стол выпадает бумажка от пирожка. На ней жирный полукруг, точно по сгибу. Утром Назар предложил сходить на футбол. Буду я ждать его гола или перестану в субботу наконец искать, кто меня куда позовёт?

Убираю бумажку в карман. Конверт соскальзывает внутрь ящика.

У выхода останавливаюсь у доски с афишами. Того, кого звали на день рождения, я сегодня уже видела с капустой на рукаве. На фотографии он в белой майке, с мячом у ноги, и стоит чуть боком, будто вот-вот переступит через нижний край листа.

Снимаю афишу на телефон. В углу под временем матча наконец нахожу надпись, за которой сюда пришла. «Вход со стороны двора».

Двора у них здесь, разумеется, два.

Глава 3

В субботу я ищу вход на поле по звуку. У ближнего корпуса окна закрыты, за дальним кто-то свистит так, что оборачивается дворник с тележкой. Иду на свист. Девушка в кожаной куртке догоняет меня у ворот и показывает на калитку, прикрытую рекламой открытого занятия по танцам.

— Я была уверена, что ты придёшь через переход, — говорит она.

— Ты обещала показать переход. А потом выяснилось, что у нас по пятницам ни одной общей пары.

— Зато сегодня покажу, как у нас здесь принято замерзать. Ты шарф взяла?

Я взяла шарф, яблоко и тетрадь. Всё это легко помещается в рюкзаке, только угол тетради упирается мне в спину. Девушка замечает, как я её поправляю, и говорит, что можно оставить вещи под лавкой у верхнего ряда. У неё там уже лежит пакет. Она принесла с работы остатки картона и по дороге вырезала крупные цифры, чтобы дежурная группа потом повесила счёт на ограждение. Электронное табло видно только с одной стороны.

— Я думала, ты с мальбертами работаешь.

— С чем угодно. В четверг у меня смена была на выставке, сегодня на стадионе. Студсовет обещал взять меня к себе, если покажу, что умею делать что-то полезнее афиш. А пока

у меня карманы в обрезках.

Она достаёт из кармана узенький синий треугольник и ставит перед собой на лавку. Треугольник ложится набок. Я прижимаю его яблоком.

На поле обе команды заканчивают разминку. Назара нахожу сразу. Он разминается в дальнем углу, потом низко наклоняется, подтягивает гетру и успевает пихнуть мяч носком обратно партнёру. Тот возвращает ему мяч с лёта. Когда Назар выпрямляется, на верхних рядах кричат его имя. Он поднимает ладонь, всё ещё глядя на мяч.

Две девушки пробираются к ограждению и вешают на него белый шарф с его номером. Держатся за концы, чтобы можно было быстро убрать, если дежурный опять попросит освободить поручень. Столько хлопот ради того, чтобы парень заметил кусок ткани! Через минуту я сама поднимаюсь на полступеньки, потому что передо мной встал человек повыше.

Первый удар Назару не удаётся. Мяч проходит вдоль ворот и утыкается в сетку снаружи. На трибуне кто-то стонет, а рядом со мной одногруппница с таким разочарованием опускает готовую картонную единицу, что я начинаю смеяться.

— Поздно достала?

— Рано. Думаешь, я когда-нибудь научусь?

На поле Назар стучит ладонью по груди, показывая, что промах его. Дальше соперники почти десять минут держат игру возле наших ворот. Я жую яблоко и замечаю, что Назар

теперь отходит на несколько шагов раньше, чем его партнёр начинает поднимать голову. В первый раз мяч приходит ему за спину. Во второй он успевает подстроиться, пропускает его мимо защитника и догоняет сбоку.

Пока все ждут удара, он возвращает мяч в центр. Там оказывается парень, который до этого дважды просил передачу и оба раза оставался с пустыми руками. Мяч прыгает неудобно, удар получается низкий, вратарь отбивает ногой. Назар к этому времени уже добегает до дальней штанги. Ему остаётся один короткий шаг.

Мимо моего колена летит картонная единица. Я прижимаю её к холодной лавке. Нижние ряды разом поднимаются, и за спиной кто-то так хлопает по спинке сиденья, что у меня в ботинке дрожит пятка.

Назар сначала идёт к парню, чей удар отбили. Кладёт ему руку на затылок, что-то быстро говорит. Тот утирает лицо краем майки и первый толкает его к остальным. И только когда оба разворачиваются, Назар смотрит на трибуну. Поднимает руку к шарфу. Девушки у ограждения чуть не опрокидываются друг на друга.

— Теперь вешаем, — говорит одногруппница и вытаскивает единицу у меня из-под руки.

К перерыву я уже понимаю, почему с верхнего ряда люди пересаживаются вправо. Там над головой меньше ветра, а с нижних ступеней мешает сетка. Пишу об этом на обратной стороне листа со схемой. Потом смотрю на слово «сетка» и

закрываю тетрадь. Я пришла на матч. Можно один раз досмотреть что-нибудь без списка замечаний.

Во втором тайме нам забивают с углового. На трибуне несколько секунд слышно только, как по бетону катится пустая пластиковая крышка. Назар бежит за мячом в ворота, несёт его к центру. Он ставит мяч на отметку раньше, чем судья успевает поднять руку с часами. Рядом оказывается всё тот же парень, и Назар даёт ему договорить. В следующий раз они расходятся к краям поля одновременно. Гол всё равно получается случайный. Мяч задевает выставленную ногу защитника и меняет направление, вратарь падает в другую сторону. Назар потом долго машет тому защитнику через плечо. Руки у него в траве, улыбка до самых ушей.

После свистка мы спускаемся снимать картонные цифры. Девушки у ограждения уже сняли шарф и ждут, когда Назар подойдёт. Одна держит телефон наготове. Он наклоняется к сетке, чтобы попасть в кадр, а когда его просят стать ближе, говорит, что может либо приблизиться, либо остаться в чистых штанах. У нижнего края сетки грязь по щиколотку. Девушки решают, что ему и так идёт, и смеются ещё до щелчка.

Я поднимаю картонную двойку, чтобы отцепить её от сетки. Назар замечает её, берётся за второй край.

— Ты всё-таки дождалась.

— Гол засчитали. Теперь можешь меня вычёркивать.

Он успевает усмехнуться. Из-за его спины слышится окрик. Парень в раздевалке держит его сумку и поднимает

телефон. Назар забирает оба, смотрит на экран и прижимает двойку к моим рукам.

— До вторника, Стелл. Если увидишь, куда делся мой второй гол, можешь тоже записать. Я тренеру скажу, что был.

Он уходит через калитку. Девушка с шарфом пробует его догнать, но Назар уже перекидывает сумку на другое плечо и на ходу звонит.

— Да, в половине пятого буду. Переобувка или прокол?.. Тогда сначала поднимите вторую, у подъёмника место есть.

Больше я ничего не слышу. Одногруппница толкает мне в локоть острым краем единицы. Обратно идти можно через переход. У неё есть ключ.

По дороге она рассказывает, что в шиномонтаж рядом с промзоной ходит половина тренерского состава. Назар там работает со второго курса. На домашние матчи его отпускают. По субботам приходится до темноты менять колёса, особенно когда подморозит и все внезапно вспоминают, что на улице осень.

— А ты давно с ним знакома? — спрашиваю я.

— С первого курса. Он мне вот эту куртку однажды нашёл. Я оставила её в актовом зале, а он вышел в ней на репетицию, чтобы никто другой не забрал. Она ему до локтей. Потом трое спросили, у кого он одевается.

В библиотеке отдаём картон на стойку и поднимаемся к часам. Одногруппница уходит к себе на смену в мастерскую. Я стучу в приоткрытую дверь и называю преподавателю свой

псевдоним так тихо, что приходится повторить. Он проводит пальцем по краям конвертов и находит мой.

На нём синим написано «Сойке». Даже точка стоит, как будто человек решил, что адрес уже вполне исчерпывающий. Внутри только один сложенный лист.

«Два. На третьем круге я бы уже попросил тебя передать соль. Так мы могли бы сделать вид, что договорились обедать вместе. Мел».

Я читаю ещё раз. На обратной стороне есть мелкая приписка: «Перед первым кругом всегда можно спросить. Это я себе тоже напоминаю».

У окна в коридоре стоят два стула. На одном чей-то рюкзак. На другой я сажусь и достаю ручку. Приходится прижимать лист ладонью, на подоконнике сквозит, а мне почему-то хочется ответить сейчас, пока я помню, каково это, когда тебя зовут по имени из-за сетки и ты слышишь.

Глава 4

В понедельник я нахожу на третьем этаже шесть свободных столов. Во вторник после обеда на этих же столах стоят три горшка с фикусами, коробка с мелом и раскрытый зонт. За одним сидит девушка с конспектом. Другую половину столешницы она уступает мне, но предупреждает, что через пять минут сюда придёт человек за зонтом.

— Он сядет рядом?

— Он обещал забрать зонт в пятницу. Я уже просто верю, что это когда-нибудь случится.

Мы придвигаем зонт к стене. С одной спицы капает, хотя дождь закончился вчера. Я достаю из рюкзака распечатку и зачеркиваю зелёную шестёрку, которую поставила на плане корпуса. Свободный стол бывает полезен, пока у него есть стул, свет и хотя бы ладонь места, куда можно поставить кружку. Три фикуса, судя по всему, с моими исследованиями не знакомы.

Через переход добираюсь до второго корпуса. У окна на лестнице сидят двое с ноутбуком. Чтобы читать с экрана, им приходится положить его на ступеньку повыше. Они забрали это место ещё утром. Один ходил обедать, другой караулил. Розетка рядом работает, но длины провода хватает ровно до ступеньки.

На плане эта лестница у меня пустая. Я присаживаюсь на

корточки, заполняю пропуск, потом ещё минуту ищу на листе место, куда написать про розетку. Народу столько, что твёрдую обложку блокнота приходится упереть в колено.

К семинару я рисую уже две карты одного коридора. На первой всё выглядит так, будто университет выдаёт каждому желающему по отдельному столу. На второй приходится спрашивать человека с зонтом, когда тот заберёт свои вещи.

— Стелла, у тебя чего столько бумаги? — Староста подхватывает два листа, которые я едва не оставляю у вешалки. — Ты думаешь, это всё надо сегодня сдать?

— Сегодня хочу показать, что из моих первых замеров половину можно выкинуть.

— А билеты по картографии смотрела?

— Смотрела. Из них половину, кажется, уже выкинули до меня.

На стене висит список докладчиков. В этот раз в нём есть моя фамилия. Рядом на полях нарисованы маленькие часы. Я кошусь на старосту. Она говорит, что это отметка преподавателя. Он хочет дать мне две минуты к концу пары, чтобы все успели сравнить исходную схему с тем, что я нашла на месте.

Две минуты превращаются в обсуждение на весь оставшийся перерыв. Сначала девушка с наушниками говорит, что ноутбук заряжает в буфете, возле чайника. Потом выясняется, что преподаватель держит в кабинете удлинитель и половина группы это знает. А я всю неделю пыталась под-

ключиться возле лестницы и каждый раз приглашала остальных через меня перешагнуть.

— Ты серьёзно обошла все три этажа, чтобы выяснить, где люди сидят? — спрашивает Назар.

— Четыре. На цокольный я тоже спустилась.

— Там есть автомат с водой и батарея. А всё остальное закрыл сторож, когда кто-то пытался сушить гетры в микроволновке.

С передней парты смеются. Назар выдерживает паузу и добавляет, что гетры тогда высохли. Кто-то спрашивает, чьи они были. Он говорит, что давно великодушно простил себя за плохие решения.

— Почему у тебя на втором этаже ни одной розетки? — спрашивает он, снова глядя на мой лист.

— Рабочей и доступной почти нет. Хочешь проверить?

— Дай мне десять минут. Я тебе и две найду.

Снимаю телефон с подоконника. От той первой пары слово «секундомер» теперь действует на меня лучше, чем кофе.

— Запускаю.

Назар ещё не убирает тетрадь. Сидит вразвалку, держит угол страницы и смотрит на меня с таким видом, будто я уже подставила себя под проигрыш. Когда на телефоне проходит полминуты, он наконец встаёт. На выходе берёт у двери свой рюкзак, который оставил прямо под табличкой «Проход не загромождать», и уходит, качая его за одну лямку.

Я успеваю собрать вопросы к практическому занятию. До

звонка три минуты, когда Назар появляется в дверях. В правой руке у него белый удлинитель, в левой — тройник такого возраста, что на нём обозначены только две розетки. Смотрю на экран. Семь минут двенадцать секунд.

— Точку нашёл? — спрашиваю я.

— Нашёл человека, который одолжит удлинитель.

— Тогда это твой человек, а у меня на карте пустое место.

Он кладёт удлинитель на парту и глядит на потолок, будто там висит список доводов, которые могли бы его спасти. Один конец провода скатывается на пол. Я поднимаю его и отдаю Назару.

— Ладно, — говорит он. — С такой формулировкой проиграл. Отмечай.

Он берёт мою ручку и сам ставит на схеме короткий крестик рядом с местом, где, как выясняется, розетка есть, только её закрывает сдвинутый шкаф. Потом подписывает: «Доступ при наличии двух друзей, готовых двигать мебель». Мы оба смотрим на эту строку. Я пытаюсь сохранить серьёзное лицо. Первым сдаётся он.

В коридоре звонит телефон. Назар отвечает, что тройник вернёт через минуту и ему всё равно, сколько человек собралось в комнате. Если им надо посадить все телефоны разом, пусть принесут зарядки к нему. На лестнице его снова окликает знакомый голос. Он успевает ответить шуткой, а уже на повороте оборачивается ко мне.

— Слушай. Тебе про шкаф записывать или я могу его об-

ратно двигать?

— Записывать. Мебель оставь в покое.

Мне всё ещё смешно, когда я прихожу к библиотечным часам. Сегодня в письме я хочу спросить про розетки. Потом сажусь и понимаю, что две строчки про удлинитель пришлось бы начать с того, кто его мне принёс. А если человеку, которого я не знаю, назвать чужое имя, оно так и останется в письме. Решаю написать о другом.

«У меня сегодня снова был выбор между столом на одного и столом, где рядом кто-то сидит. Села к человеку с мокрым зонтом. Через минуту она дала мне половину листа в клетку. Я никогда в жизни так не радовалась листу в клетку».

Отодвигаю письмо. В комнате открыли форточку. В дальнем углу девушка пишет на коленях, накрывая страницу рукавом, когда мимо идут за бумагой. Я уже знаю, что здесь никто не смотрит специально. Всё равно закрываю ладонью подпись.

В конце занятия мне выдают ответ на субботнее письмо. Ужасно хочется открыть прямо в коридоре. Убираю конверт в тетрадь и доношу до комнаты. Сажусь на стул, хотя вокруг ещё не распакованы две коробки, под рукой нет кружки, а соседка с верхней койки включила старую песню и поёт на полтона ниже. Поддеваю клапан ногтем.

«Я иногда автоматически сажусь там, где мне оставили место. Потом весь обед слушаю, как люди по кругу обсуждают одно и то же. Про зонт мне нравится больше. Был чело-

век, который опоздал, и два человека, которые от этого выиграли».

В письме ещё есть маленькое предложение прийти завтра к столовой на десять минут позже привычного. Раз никто не придерживает мне стул, могу выбрать другой стол и другую очередь. Я убираю письмо в тетрадь и почти сразу достаю снова. Хочу запомнить, как он написал про зонт.

На верхней койке песня заканчивается. Соседка высовывается за край и спрашивает, есть ли у меня ножницы. Ей нужно вскрыть коробку, а ключом уже сломала ноготь.

— Есть, — отвечаю я и переставляю рюкзак со свободного стула. — Спускайся сюда.

Глава 5

В пятницу я нахожу в переписке с мамой фотографию январского графика. Он лежит на деревянной стойке нашей мастерской, прижат тяжёлыми ножницами, которыми мы режем плотную подкладку. В первый понедельник, потом во вторник и четверг моё имя вписано её синей ручкой. Рядом карандашом расставлены часы. На каждую смену получается восемь часов.

Увеличиваю фотографию. Смотрю на вторник. Обвожу его пальцем, будто мама тогда увидит и спросит, могу ли я.

«Чтобы ты заранее знала, когда брать обратный билет», — пишет она.

Заранее я знаю только, что в декабре у меня две пересдачи. Весеннее расписание никто пока даже не начал собирать. На январские каникулы я собираюсь домой. Хочу отоспаться, забрать оставшиеся книги и наконец решить, где буду жить до лета. План неплохой. До тех пор пока я не смотрю на мамину стойку и не вспоминаю, как в августе она засыпает над счётами, пока швейная машинка ещё тёплая.

Звонить сейчас неудобно. Она в мастерской. Если я начну говорить, в дверь обязательно войдёт кто-нибудь с длинными брюками. Мама прижмёт телефон плечом и будет одновременно мерить штанину и объяснять мне, что дома мы поговорим спокойно.

Я печатаю: «Мам, давай пока без графика».

Стираю.

Телефон кладу экраном вниз. Из-под него выглядывает край тетради. На последней странице загнула угол там, где нарисовала себе условные обозначения для карты. Вчера староста взяла тетрадь и приписала рядом с фикусами: «Вечером все эти растения уже не имеют над вами власти». Вчера мне было смешно. Сегодня хочется позвонить ей и узнать, как она разговаривает со своей матерью, когда та делает что-нибудь из заботы и от этого только труднее возразить. Мы с ней едва успели обменяться номерами. Господи, начну ещё с такого.

Днём захожу в мастерскую при учебном корпусе. Одногруппница в кожаной куртке работает за столом, покрытым царапинами. У самого её локтя коврик и целая горсть винтов. Она обещала показать переход, а заодно сегодня проверяет, можно ли перевозить мальберты на складной тележке, у которой одно колесо вечно уходит в сторону.

— Подержи, пожалуйста, за длинный край, — просит она. — Сейчас глянем, поворачивает ли влево, как приличная.

Поднимаю край тележки. Узкое колесо плюхается обратно. В дверях тут же появляется Назар, подцепляет за ремешок чей-то футбольный мешок, который лежит в проходе, и вешает его на крюк под собственной курткой.

— Зачем вы опять ей третью жизнь даёте?

— Потому что четвёртую ты нам купишь?

Назар приседает рядом и крутит колесо. У него на ногте маленькая чёрная полоска. Разглядывает ось, просит тряпку. Девушка показывает на стопку у раковины. Он вытирает налипшие волосы, прокручивает колесо ещё раз. Ничего не говорит. Оно по-прежнему смотрит вбок.

— Закажи втулку по диаметру. Пружиной дотянете до понедельника, дальше она у тебя в коридоре развалится.

— Мне она в понедельник как раз нужна, — говорит девушка.

— Тогда до воскресенья. Хоть раз пусть вещь сломается в выходной и никого не отвлечёт.

Я всё ещё держу тележку. Назар смотрит на мои пальцы и поднимает свою сторону, пока я поправляю хват. Его зовут из коридора. Судя по разговору, двое собираются вечером пересечься в пиццерии, и он им нужен в начале шестого, чтобы забрать стол. Назар спрашивает, с каких пор они боятся попросить стол сами. Обещает зайти, если закончит на стадионе.

Одногруппница ставит колёса на пол. Тележка скрипит и сдвигается. Мы втроём стоим возле неё и считаем до трёх. На третьей секунде она катится сама ровно до двери и останавливается.

— Я в неё уже верю, — говорит Назар и ловит носком переднее колесо. — Дальше ты сама.

Девушка смеётся и берётся за ручку. Назар перекидывает сумку через плечо. У него к молнии прицеплена дешёвая

пластиковая свистулька, которую утром я могла принять за брелок. Он замечает мой взгляд и качает сумкой, чтобы она щёлкнула о пряжку.

— Ты с собой на пары весь стадион носишь? — спрашиваю я.

— Только то, что забываю выложить.

— У тебя сегодня тренировка?

— Младшая взрослая группа. Они иногда одалживают нас на одно упражнение, когда тренеру нужна пара ног. После этого будут решать, кто куда идёт на выпускную практику.

— А тебе куда?

— Уже нашли хорошее место. Просил один человек, согласился тоже один. Всё при мне произошло. — Он поправляет лямку и усмехается. — Мне, правда, двадцать два. Удивительно, как сразу двое забыли про это.

Он уходит, придерживает дверь для двух парней, которые уже спорят о вечерней пицце. Я проглатываю вопрос, куда он хочет сам. Куда я хочу сама, если до сих пор даже не написала маме?

После последней пары в библиотеке почти пусто. Окна запотели у нижней рамы. Парень за соседним столом беззвучно считает что-то на пальцах, а я вынимаю лист, на котором с утра собиралась рисовать план. Сажусь с краю, чтобы было куда положить локти.

«Мама вписала меня в январский график. Говорит, когда покупать билет. Я ещё осенью сказала, что приеду на кани-

кулы. Она услышала, что с каникул начну работать по старому расписанию. Я читаю свой ответ и чувствую себя дурой. Пока я писала его в первый раз, мне вообще не пришло в голову, что мы можем иметь в виду разное».

Перечитываю. Самая трудная фраза так и осталась у меня в голове. Добавляю её в самом низу.

«Я по маме скучаю. И каждый раз, когда она говорит, что дома мне точно будет проще, хочется тут же ответить, что уже еду».

Пишу «Сойка». Мел мне ничего про себя пока не рассказал, кроме завтрака, розеток и того, что много лет упорно не замечал одного прохода на своём обычном маршруте. Бывает, я вообще не уверена, разберёт ли он мелкий почерк в третьей строке. А письмо уже запечатано.

К вечеру мама присылает голосовое. Говорит, что нашла мою любимую толстовку под гладильной доской. С вечера повесила её сушиться, чтобы не класть в посылку сырую. Спрашивает, у меня руки мёрзнут или пока терпимо. Я прижимаю телефон к щеке. Нажимаю кнопку записи. В первые три секунды на экране бежит ровная полоска. Стираю голосовое и разглаживаю большим пальцем катышек на манжете.

Отправляю ей короткое «У нас сегодня тепло, спасибо». Потом набираю ещё раз.

«Мам, я на каникулы приеду. Про смены поговорим отдельно, хорошо? Мне пока нужно понять даты».

Телефон ложится на стол. Я успеваю вытащить вкладку

с картой, когда экран вспыхивает. Мама поставила на сообщение сердечко. На фотографии графика моё имя всё ещё на своём месте.

Глава 6

Письмо от Мела я читаю утром в гардеробе. Раздеться не успеваю. У меня в одной руке шарф, в другой листок, и гардеробщица уже молча держит номерок за край, пока я пытаюсь дочитать абзац.

«Я недавно согласился по привычке. Вроде взрослый человек, мог попросить день подумать. Вместо этого вышел, пересчитал ступени до улицы и понял, что теперь буду злиться на всех, кому ничего не возразил. Про твою маму я мало знаю. Может, она просто поверила, что вы уже договорились. Если бы мне тогда задали прямой вопрос, я бы хотя бы понял, где свернул не туда».

Во второй строке на обороте он спрашивает, что мне нравится здесь. Подумать надо только о том, что есть сейчас. Я проверяю дальше. Подпись, короткая черта под последним словом. Откуда у человека хватило терпения оставить столько места внизу? У меня листок почти всегда исписан до углов.

Гардеробщица качает номерком. Он ударяется о стойку. Я достаю руку из одного рукава, перекидываю шарф через локоть, и письмо падает сгибом вниз. Из-под стойки его поднимает парень, которому я загородила проход. Листок он протягивает мне закрытым.

— У тебя хорошее пальто, — говорит он. — Я четыре

минуты на него смотрю.

— Может, сам хочешь повесить?

— Я уже почти привык, что оно здесь живёт.

Назар вынимает из кармана свой номерок. Оказывается, он остановился по пути обратно за забытой тетрадью. Отодвигаюсь, а сама всё ещё держу пальто. Он протягивает его гардеробщице, будто давно ждёт, когда это можно будет сделать.

— А вечером опять заберёшь, — говорит он. — Оно, кажется, уже по тебе скучает.

До семинара я успеваю убрать письмо в застёгивающийся карман рюкзака. В аудитории возле доски стоят два свободных стула. На один я кладу схемы, на другой сажусь. Девушка с кожаной курткой приносит мне линейку и спрашивает, можно ли нарисовать её путь от тележки до места, где кончается проход. Ей для работы нужен график, когда по лестнице можно ходить с большими вещами. Мне нужны подробности, которых на обычном плане нет. Разворачиваем лист на два стула. На одной половине рисую столы, на другой она показывает, где у неё вечно застревает колесо.

Назар на семинаре садится в первый ряд. Оттуда удобно говорить, ничего не переспрашивая. Сегодня обсуждаем, зачем человеку личный стол в здании, где у него нет личного кабинета. Преподаватель предлагает группе по очереди назвать условия, при которых мы можем там проработать два часа. Я пишу сначала «тишина», потом «свет». Назар назы-

вает возможность уйти, не собирая каждую вещь.

— Я если уберу всё со стола, его займут, — говорит он. — Потом буду с сумкой полкорпуса обходить.

— А если ты вернёшься через сорок минут, зачем эти сорок минут держать стол?

— Мне, может, до второго этажа и обратно.

— Тебя вечно кто-нибудь остановит. Успеют пять человек пообедать.

Он поворачивается. На губах уже улыбка, но вопрос задаёт вполне серьёзно.

— А ты сама когда обедаешь, вещи с собой носишь?

Я думаю о том, что ещё пару недель назад в прежнем вузе спокойно оставляла на столе кружку и тетрадь. О том, как сегодня таскаю рюкзак за собой даже в уборную, потому что пока никто не знает, чьё там всё лежит.

— Ношу. Я ещё не нашла место, где можно оставить.

— Вот. Почему кто-то должен там оставаться всё время, если я могу вернуться через пять минут?

Тут у всякого находится своя история. У одной девушки однажды съели печенье, которое она оставила возле ноутбука, и заботливо вытерли крошки. Другой парень оставил на столе открытую курсовую и обнаружил в ней чужую пометку про поля. Я уже пытаюсь записать всё сразу. Ручка перестаёт писать, тру кончиком по коже возле большого пальца. Назар толкает по парте свою.

Когда пара заканчивается, я хочу вернуть её и бежать за

пальто. Назар стоит возле доски и разглядывает две мои схемы. В аудитории осталось человек пять. Две девушки зовут его вниз вместе. Он говорит: «Догоню» — и опять склоняется над схемой.

— Тут нарисована скамейка?

— Тут нарисован подоконник.

— На нём помещаются двое, если сидеть боком.

— Трое, если никому не нужен ноутбук.

— О, значит, ты уже пробовала.

Он подхватывает угол карты, чтобы не упала. Я хочу объяснить, что у меня действительно есть разные отметки для полноценного стола и места, где можно просидеть пятнадцать минут. Вместо этого спрашиваю, зачем ему два часа личного стола, если он в университете почти всегда с кем-нибудь разговаривает.

— На самом деле я в это время делаю задания. Вечером работаю, утром тренировки. На паре обычно узнаю, что было задано ещё неделю назад.

— А я думала, ты всё держишь в списке на обратной стороне состава.

— Так у меня там места мало. Придётся кого-нибудь вычеркнуть.

Через пять минут ухожу за пальто. Назар идёт со мной. В гардеробе ещё никого, кроме женщины за стойкой, которая смотрит на нас поверх очков. Она протягивает мне пальто. Назар забирает свою тетрадь, о которой снова успел забыть,

и показывает мне расписание на форзаце. У него между тренировкой и сменой сорок пять минут. Впритык доехать, если не провожать ничью куртку.

— Сколько у тебя сейчас времени? — спрашиваю я.

Он смотрит на часы в гардеробе. Я тоже. После пары прошло сорок минут.

— Если узнаешь, чем мы тут занимались, предупреди, — говорит он и застёгивает куртку на бегу. — Я потом хочу повторить.

Он успевает открыть тяжёлую дверь плечом и оборачивается. Я стою с руками, застрявшими в рукавах пальто. Показываю ему, что всё нормально. Он уходит на улицу, а я пяткой подтягиваю рюкзак и улыбаюсь стойке. Гардеробщица качает головой и говорит, что теперь я точно должна успеть поесть одна, раз так расстроилась утром.

В столовой я сама выбираю стол. Сажусь туда, где вчера стоял чей-то ноутбук. Напротив ещё свободно. Отламываю корку хлеба и несколько секунд смотрю, как она крошится на подносе. «Я потом хочу повторить». Даже неизвестно, что именно. Спорить про подоконник? Отдавать мне пальто? Я вспоминаю, что за эти сорок минут он ровно один раз посмотрел на телефон. Если он сейчас опаздывает, то наверняка тоже считает, что виноват подоконник.

Вечером достаю письмо Мела и долго пытаюсь ответить, что мне нравится здесь. Старый переход, когда в нём ночью загорается свет. Столовая после двух. Место у доски, если

я успеваю дойти до него раньше, чем кто-нибудь начинает говорить. Пишу всё это. Дочитываю до подписи и понимаю, что самое интересное опять пропустила.

«Ещё мне нравится один парень с семинара. Мы сегодня разговаривали сорок минут и оба думали, что прошло пять. Он даже забыл про свою тетрадь, хотя специально за ней возвращался. Когда он ушёл, я стояла в пальто и не могла найти рукав. Как думаешь, это лечится?»

Сейчас Мел знает обо мне больше, чем мама. Смешно, если он напишет, что я всё придумала. Я бы и сама так ответила пару недель назад.

Через два дня в ящике появляется новый конверт. Он тонкий даже на ощупь. Вскрываю на лестнице, придерживая дверь пяткой.

«Если хочешь ещё сорок минут, скажи ему. Можно начать с пяти».

Больше ничего. Я спускаюсь на несколько ступеней, вспоминаю, зачем вообще вышла из комнаты, и останавливаюсь. Листок складываю пополам. С круглыми печатными буквами в подписи сделать это аккуратно легко. Две короткие строки я уже знаю наизусть.

Сказать ему. Вот здорово. Я теперь даже в гардероб завтра пойду с этой мыслью.

Глава 7

Преподаватель отдаёт мне работу через стол. На первой странице ни одной зачёркнутой строки. На второй рядом с четырьмя моими таблицами стоит один и тот же вопрос. «Во сколько?»

— В десять, в час и около трёх, — говорю я. — Я несколько раз проходила.

— А после шести?

Я успеваю взять работу со стола, но не успеваю ответить так, чтобы самой себе поверить.

После шести я бываю в библиотеке. В главном корпусе задерживалась до пяти. В переходе по вечерам вообще ни разу не проходила. Все мои минусы означают примерно одно: в это время меня там не было.

Преподаватель подвигает ко мне свой календарь и показывает дату предварительной защиты. Через три недели. В тот же день у меня консультация перед зачётом по картографии. Я смотрю на две разные записи, сделанные разными людьми, и пытаюсь понять, между ними правда два часа или один читается вверх ногами.

— Соберу вечерние наблюдения, — говорю я.

— Посмотрите ещё спорткорпус. Только вместе с каким-нибудь занятием, где реально понадобится посидеть и подождать. Вам не обязательно успевать во все места.

Выхожу с папкой под мышкой. Пока следующий студент закрывает дверь, слышу, как преподаватель просит его убрать из работы слово «никогда». Он так и говорит: «Где вы и где “никогда”?» Мне кажется, что со своей работой я отделалась легко. Если бы вопрос сводился к одному слову, я бы сейчас его стёрла и ушла обедать.

В коридоре стоят две девушки. Одна в куртке, зимой в такой на остановке хоть спи. У другой в руках белые кеды и упаковка с наклейками. Они спорят, чьей подписи на них не хватает. Потом та, что в куртке, замечает в дверях Назара и делает шаг прямо поперёк коридора.

— У тебя минута есть? Две подписи.

Назар останавливается. Смотрит на кеды, потом на маркер.

— Это те, в которых вы в прошлом году ставили растяжку для финала?

— Эти чистые. Старые мы пришили к сетке на память.

Он расписывается на левом кеде. Когда девушка протягивает правый, он пишет что-то длиннее, чем его имя, и отдаёт маркер. Девушки наклоняются к подошве, хохочут. Назар проходит между ними и задевает капюшоном открытую дверцу шкафа. Даже не оборачивается. Одним движением закрывает её за спиной, чтобы следующий прошёл спокойно.

Мне хочется спросить, что там было написано. Вместо этого я показываю свою работу одногруппнице, которая заканчивает развешивать объявления. У неё кнопки между

пальцами и салфетка на рукаве, чтобы не занозить ладонь о доску.

— Я думала, ты уже к защите готовишься, — говорит она.

— Я тоже так думала. У тебя вечером много дел?

— До шести мастерская. Потом могу показать, как люди идут в зал со стороны склада. Утром там никто не ждёт, а в шесть, если открыть дверь, все сидят прямо на полу.

Она прикалывает последнее объявление и отдаёт мне остаток кнопок. Заодно спрашивает, можно ли ей посмотреть мои значки для карты. Для её проекта подойдут и лестницы, и переходы. Письменно ничего не обещаем. Сразу после её смены встречаемся и идём смотреть, куда деваются стулья.

По пути к спорткорпусу ветер выворачивает наружу верхний лист. Я сворачиваю всю папку трубой и в дверях чуть не сшибаю парня с тремя мячами. Он придерживает один подбородком и открывает дверь локтем. За ним выходит Назар. Потемневшие от влаги волосы липнут по краям ко лбу.

— С таким оружием на занятия нельзя, — говорит он мне и кивает на папку.

— Это по мне уже проехались. Я иду замерять последствия.

— С тебя сняли очки за красоту?

Я разворачиваю один лист и показываю, сколько раз мне написали «во сколько». Назар просматривает два замечания. Потом поворачивает лист к свету и находит третье.

— Начни отсюда в половине седьмого. Когда заканчивает один зал, а следующий ещё не открыли. Через десять минут все на полу, как селёдки. Потом скажешь, где ставить твою любимую скамейку.

Из зала выглядывает тот самый парень с мячами и кричит, что скоро закрывается шкаф. Назар лезет в карман, бросает ему связку. Парень ловит ключи одной рукой, остальные у него уже заняты. Назар смеётся и успевает прижать подошвой мяч, который выкатился в проход.

— Ты сегодня долго здесь? — спрашиваю я.

— До половины седьмого. Если повезёт, успею посмотреть, как ты ругаешься на стулья.

В половине седьмого я ругаюсь на себя. Стою с термосом на предплечье, а папку держу раскрытой прямо против движения людей. На её внешнем углу уже чей-то след от мяча. Одногруппница сидит на ступеньке ниже и записывает, какие группы остались ждать. В половине седьмого в коридоре действительно никому негде сесть. Через десять минут женщина в вязаном жилете тащит из кладовой табуретки и ставит их у дальней стены. Почти сразу два человека освобождают ступени. Через минуту по лестнице наконец можно нормально пройти.

Перед выходом мы спрашиваем женщину, всегда ли она ставит табуретки. Она говорит, что только по средам. В пятницу студенты забирают их на тренировку, чтобы ставить сверху бутылки. Одногруппница смеётся, выхватывает у ме-

ня ручку и пишет в тетради: «Мебель с двумя работами». Потом кивает на человека, который ждёт её в коридоре, и убегает. На завтра она обещает приносить два карандаша, чтобы я не могла спрятать оба.

В общежитии я раскладываю листы на полу. Сажусь посреди, в носках, поджав ноги. Переписываю пустые столы по часам, зачёркиваю две красивые стрелки. Моя соседка стоит у окна с кружкой. Просит поднять голову, чтобы я хоть раз посмотрела на закат из нашего окна. Когда поднимаю, вижу, что в обоих дальних корпусах горит свет. Раньше я на эти окна смотрела и думала только, сколько там лестниц. Теперь мне интересно, где там сидят и на что кладут тетради.

Листок для Мела я рву пополам уже третий раз. Первый раз пишу, что всё нормально. Второй — что удивлена его коротким ответом. На третьем выходит «ты как сам?», и я никак не могу продолжить. У Мела первое письмо начиналось с одного слова: «Два». Убираю испорченные листки под чашку и начинаю с того, что хочу ему сказать.

«Его зовут Назар. Он играет в футбол. Если спросить у него, где в корпусе свободная розетка, он может через семь минут принести тебе чужой удлинитель. Потом скажет, что при таких условиях проиграл, ещё и сам отметит место на твоей карте. Понимаешь, мне нравится, что он вообще пошёл искать. Думаю, ты прав. В следующий раз попробую сказать ему хоть что-нибудь, пока мы опять не начали спорить».

Слово «попробую» обвожу ручкой. Насколько же я себе

смелая на бумаге. Я сегодня стояла рядом с ним целую минуту и спросила только, когда он уйдёт.

Утром прихожу к часам раньше первой пары. В комнате никого. Преподаватель накануне напомнил, что оставлять письма можно у дежурного, если не застали его самого. Поворачиваю к стойке, но из прохода выходит кто-то с коробкой книг. Прижимаюсь к стене. На коробке сверху лежит белый конверт, и на секунду мне кажется, что на нём мой псевдоним.

Показалось. Дежурная кладёт моё письмо на стопку и обещает отнести в ящик сразу, как только закончит с возвратами. Мне нужно уходить на пару. Вместо этого я оглядываюсь на закрытую дверь у часов. В письме чужое имя впервые написано целиком. Даже если захотеть, его теперь не вычеркнешь.

Ещё можно попросить конверт обратно. Дежурная далеко не убрала. Вон он, верхний. Я держу дверь, чтобы пропустить человека с коробкой, и успеваю придумать, что ошиблась адресом.

— Так и оставлять? — спрашивает дежурная.

— Да. Спасибо.

Спускаюсь на первый этаж. На лестнице приклеено объявление о следующем матче. Назар на фотографии смотрит мимо объектива, будто ждёт передачу. Вчера я стояла рядом с ним и смогла спросить только, когда он уйдёт.

У пролёта открывается дверь библиотеки. Наверху скри-

пят колёсики тележки. Я знаю, что сейчас могу вернуться, сказать, что ошиблась, и достать письмо даже из ящика. Мне потребуется всего один лестничный пролёт.

Снизу кто-то держит для меня дверь. Я спускаюсь. Пусть хоть один человек теперь знает.

Глава 8

К полудню я знаю наизусть, сколько ступенек от библиотеки до моей аудитории. Тридцать четыре. Если пропустить последние две, на повороте стукнешься плечом о стену. Я проверила. Как раз когда решила не ходить к ящику до вечера.

У входа в аудиторию Назар разговаривает с двумя парнями. Один держит лист с результатами прошлой игры, другой зачем-то пытается пальцем стереть на нём свою фамилию. Назар смотрит через их плечи на меня. Успеваю кивнуть, пока открываю дверь. Он тоже кивает и заканчивает объяснять, как тому парню удалось получить предупреждение, когда мяч был на другой половине поля.

На семинаре я дважды беру ручку и дважды обнаруживаю, что она у меня уже в руке. Староста достаёт из сумки лист, на котором мы на прошлой неделе отмечали розетки, и показывает на прямоугольник у лестницы. Кто-то всё-таки отодвинул от неё шкаф. Она сделала фотографию: между стеной и шкафом теперь помещается один человек, если выдохнуть и повернуть голову.

— Назару скажи, — отвечаю я.

— Зачем? Он вчера сам двигал.

С переднего ряда доносится его смех. Ему опять оставили стул. Сегодня на спинке висит чей-то лиловый шарф. Назар

сидит через одно место от него и оттуда показывает соседу на телефоне, в каком именно углу был мяч. Я открываю тетрадь и стараюсь думать, почему у шкафов в наших корпусах так много защитников. Через минуту обнаруживаю, что вывела на полях первые три буквы его имени.

Смываю чернила слюной. Теперь там не имя, а маленькая серая клякса.

До звонка преподаватель просит всех разойтись по двое и найти место, где можно поговорить, никому не мешая. Староста выгребает из кармана ключи и берёт меня за рукав. На лестничной площадке возле женской уборной сесть можно, говорить тоже, но каждую фразу приходится повторять после того, как кто-нибудь спустит воду. В переулке за вторым корпусом вместо пешеходов голоса постоянно перерезают машины. Мы в конце концов пристраиваемся возле стенда с давно выцветшими фотографиями выпускников. Здесь не садятся, даже если ждут кого-нибудь. Нет ни стола, ни лавки. Зато друг друга прекрасно слышно.

Я отмечаю точку на карте. Староста вдруг перестаёт заглядывать мне через плечо. Смотрит на фотографии и спрашивает, была ли у меня в прежнем университете такая же группа. Я отвечаю, что там мы всю первую неделю делили пары на тех, кто вообще знает расписание, и тех, кто по привычке спрашивает у первых.

— По-моему, у нас до сих пор так, — говорит она. — Я себе на завтра какую аудиторию записала?

Показывает телефон. В расписании у неё два занятия подряд в одном корпусе, но на разных этажах. Она уже поставила будильник между ними, потому что легко может забыть, когда заканчивается первый перерыв. Я смотрю на эти две минуты и вспоминаю, как в первый день она передала мне секундомер с видом человека, который всё на свете успевает.

— Слушай, — говорит она, пока мы идём обратно. — Ты же завтра опять собираешься в спорткорпус? Там можно спросить про стулья у дежурной. Я вчера заметила, что у неё список висит внутри шкафа.

— А тебя кто научил туда заглядывать?

— Девушка, которая за тележку отвечает. Мы вдвоём её лечим с весны.

Я обещаю проверить. Когда мы возвращаемся в аудиторию, большая часть группы уже уходит. Назар стоит у открытого окна. Преподаватель просил его закрыть, и он всё пытается поймать язычок защёлки. Два раза дёргает ручку, потом становится сбоку и чуть приподнимает раму, точно так, как мы поднимали боковую дверь.

Окно закрывается. Он поворачивается.

— Стелл, у тебя завтра вечером время есть?

Староста роняет связку ключей. Пытается подхватить их на лету, промахивается, и оба мы ждём, пока она нагнётся и соберёт всё с пола.

— Смотря на что, — говорю я.

— Кафе возле остановки. Они там дают посетителям са-

мим выбирать песни. Я давно хочу посмотреть, сколько минут ты продержишься, прежде чем вмешаться.

— А ты сколько продержишься?

— Со мной проще. Я вмешаюсь сразу.

Староста поднимает ключи и, не глядя ни на кого, выходит. Меня тоже тянет к двери. Так спокойнее, когда можно сделать хотя бы шаг в какую-нибудь сторону. Вместо этого я остаюсь у парты. Хоть раз дай человеку договорить. Тем более теперь он сам пришёл говорить.

— В половине седьмого удобно? — спрашивает Назар.

— Удобно.

— Тогда до завтра.

Он забирает рюкзак. Уже в дверях придерживает его за дно, слышит, как внутри что-то тяжело ударяется, и недовольно спрашивает рюкзак, когда тот наконец научится себя вести. Отвечать за рюкзак я не успеваю. Из коридора Назара зовут по имени, и ему пора.

Свои бумаги я складываю дольше обычного. Самый большой лист вообще не лезет в папку, пока я не замечаю линейку, которую оставила поперёк. А чего я ждала? Что он объяснит, почему именно я? Ему хватает одной минуты закрыть окно и позвать меня в кафе. Мне за эту минуту удаётся вспомнить ответ Мела, забыть ответ, снова вспомнить и произнести ровно два слова. По крайней мере, оба по делу.

В столовой одногруппница с тележкой обедает напротив меня. Она ловко прижимает локтем салфетку, чтобы та не

съезжала под поднос, и показывает мне фотографию кармана, который нашила на чехол для свёрнутых плакатов. Теперь мелочь не будет выпадать, пока она перетаскивает вещи через лестницу. Когда я произношу «кафе у остановки», она поднимает глаза.

— Там плеер на каждом столе? — спрашиваю.

— Один на всех. Могут поставить твою песню минут через сорок, а могут вообще промахнуться. Ты туда с кем?

Я откусываю от булки. Могу ведь просто сказать. Говорю, что с Назаром. Девушка внимательно переставляет свой стакан, проверяет, не залез ли он на мою салфетку, а потом спрашивает:

— Он уже предупредил, что поёт?

Я мотаю головой. Теперь всю дорогу до кафе буду гадать, серьёзно ли она это сказала.

— Плохо поёт?

— Только если знает слова.

Мы доедаем и тащим посуду к стойке. Я впервые не оглядываюсь, есть ли у моего стола свободный стул. Ставлю пустой поднос и собираюсь спросить, будет ли она завтра ещё в мастерской. Она уже открывает передо мной дверь и говорит, что к вечеру покажет, как открыть склад, если у неё заберут ключ. Теперь мне нужно только не забыть принести туда карту.

К ящику в библиотеке иду перед закрытием. На лестнице кто-то оставил два стула друг на друге. Тот, что внизу, чуть

качается. Я переставляю верхний на пол и только потом захожу.

Преподаватель убирает мел со стола. Заглядывает в пачку для моей группы, потом в отдельное отделение у края. Я вижу, как он отодвигает папку, под которой ничего нет.

— Пока пусто, Сойка. Завтра после обеда загляните.

Я киваю. На выходе достаю телефон посмотреть время. Между мной и завтрашним вечером почти сутки. Только что мне казалось, что они пролетят. Теперь я думаю, когда Мел прочитает моё письмо и успею ли я рассказать ему, что Назар сам меня позвал.

Можно оставить ещё одну записку. В кармане даже есть подходящий листок, на обороте я начала чертить план лестницы. Смотрю на закрытый ящик. Потом убираю телефон и ухожу вниз. Завтра у нас с Назаром целый вечер. Даже блокнот можно оставить дома.

Глава 9

В пятницу я прихожу в кафе на семь минут раньше и всё равно вижу Назара за дальним столом. Он в тёмной куртке, которую я на нём ещё не видела. На подоконнике рядом с ним лежат два бумажных меню и чей-то зонтик со сломанной застёжкой. За окном мелко моросит. Когда я подхожу, Назар убирает руку со спинки стула и смотрит на мои мокрые рукава.

— Я тебе хотел сказать, что здесь от остановки можно короткой дорогой. Потом вспомнил, как мы с тобой обычно находим двери.

— Нашёл самую длинную?

— Сухую. Вон через арку. Будем возвращаться, покажу.

Я снимаю куртку. Волосы цепляются за молнию, приходится расстёгивать её обратно до подбородка. Назар ждёт, пока я справлюсь. За его плечом я замечаю два свободных стола, один удачнее нашего. Там видно, кто входит, а возле ног батарея. Здесь мне приходится сесть спиной к двери.

— Ты чего выбрал угол? — спрашиваю.

— Хотел хоть раз узнать, кто пришёл, когда подниму голову. На середине зала я половину времени с кем-нибудь здороваюсь.

На кассе у торца лежит планшет в резиновом чехле. Сейчас там девушка листает очередь песен. Назар протягивает

мне меню, потом смотрит на неё и добавляет, что на выбранную с третьей попытки песню можно пожаловаться только к концу вечера.

— Я подожду, — говорю я. — Сегодня торопиться некуда.

Произношу это и вспоминаю о письме. Днём в ящике так ничего и не появилось. Я впервые после факультатива успела обидеться на человека, у которого не знаю даже имени, а потом целую минуту пыталась вспомнить, зачем он обязан ответить именно тогда, когда мне хочется. Мой последний конверт мог не попасть к нему вовремя. А мог попасть, и ему просто нечего было добавить к совету, который уже дал.

Назар справляется с меню быстрее меня. Просит картошку, большую порцию, и чай. Я выбираю горячий бутерброд и чай с лимоном. Через пять минут нам приносят два одинаковых чайника, а лимон ставят посередине. Назар отодвигает блюдце ко мне.

— Вон твоя часть вечера, за которую можешь больше не волноваться.

— Теперь осталось пережить музыку.

Он поднимает указательный палец. Из динамика только что заиграла какая-то запредельно бодрая песня про человека, который совсем не хочет вставать. Назар начинает беззвучно отбивать ритм пальцами по столу. Я жду. Отчётливо вижу, как он набирает воздух, открывает рот и совершенно сознательно вместо припева говорит:

— Ну что у тебя со стульями?

Успеваю рассмеяться раньше, чем понимаю, почему он вообще спрашивает. За последние две недели меня раза четыре спрашивали, почему я взялась за такую тему. А он спрашивает, что изменилось с нашей прошлой пары. Объясняю, что вечером повылазило столько людей, сколько мы днём едва набираем за три обхода. Рассказываю про женщину с табуретками и про одни и те же стулья, на которых то сидят, то оставляют бутылки. Назар говорит, что они с ребятами однажды чуть не увезли табурет на выездную игру, потому что тренер положил на него ключи от микроавтобуса. Стали грузить сумки и взяли всё подряд.

— Вернули? — спрашиваю.

— Мы его с поля потом вдвоём тащили. Никому нельзя было показывать, что у нас теперь есть запасной табурет.

Приносят картошку. Я гляжу на соль у стены и вспоминаю парня, который предложил попросить передать её после третьего круга столовой. Прямо сейчас можно протянуть руку, взять соль самой и больше ни о чём не думать. Но Назар замечает мой взгляд и передвигает заодно к себе сахарницу, освобождая место посередине. Делает это так буднично, что я совсем теряюсь, о чём мы до этого говорили.

— Кстати, ты всегда с такой скоростью собираешься после матча? — спрашиваю.

— Когда смена через сорок минут, да.

— Устаёшь?

Назар подносит кружку ко рту и пробует чай. Ставит её

обратно, на дне блюдца остаётся круг.

— Бывает. В прошлом ноябре я однажды перепутал свои ботинки с рабочими. Доехал в них до университета, а потом в аудитории все решили, что кто-то натаскал снега лопатой. Пока думали, я уже вытер пол. Полтора часа после этого сидел в мокрых носках.

— Можно было сказать, что лучше завтра пересесть на первый ряд.

— На первый ряд и пересел. Там ближе к батарее.

Смеюсь. Сама за последние десять минут украла три кусочка картошки и всё ещё не притронулась к бутерброду. Беру его, подношу ко рту и роняю на тарелку солёный огурец. Назар смотрит, как я пытаюсь подцепить его ножом, и наконец задаёт вопрос, который, похоже, давно держит при себе.

— Ты почему перевелась?

Я могу свести всё к программе. Здесь больше полевых занятий, ближе к городу, с которым я хочу работать. Так и было. Но на последнее объявление осенью я подала документы, когда в нашей мастерской закончила очередную смену и обнаружила, что в тот день успела дважды спросить, где лежат ножницы, и ни разу — когда мне идти собирать собственные вещи.

— У меня дома всё было расписано, — говорю я. — Я сама долго думала, что мне так легче. Потом заметила, что в расписании всё меньше моих дел.

Назар крутит пальцем ручку чайника. Снаружи мимо про-

ходит автобус, белый свет пробегает по спинкам стульев. Мне на секунду кажется, что он сейчас спросит, о чём мы с мамой договорились. Он спрашивает совсем другое.

— А что у тебя сейчас там стоит?

— В расписании?

— Да.

Я беру кружку. Чай уже можно пить, и лимон темнеет на поверхности.

— Сегодня до половины седьмого там было написано «кафе». А на остаток вечера я ничего не поставила.

Назар перестаёт вертеть чайник. В уголке рта у него появляется улыбка. Он почти сразу наклоняется за салфеткой. Когда выпрямляется, его ладонь лежит на столе ближе к моей. Можно потянуться. Почему мне неделю назад казалось, что самое трудное — вообще попасть сюда? Всё это время легче было представить, как я приду, чем решить, что делать со своей рукой.

Назар первый говорит:

— Давай песню выбирать. Пока мы всё обсуждаем, люди уже третью грустную поставили.

К планшету идём вместе. Он тычет в название и привстаёт на носки, чтобы лучше видеть моё лицо. На снимке к песне у одного человека в руках труба, у другого велосипед. Пролистываю ещё на два пункта и выбираю ту самую бодрую песню, которая играла в начале вечера.

— Ты серьёзно?

— Я хочу дослушать.

Назар смеётся и умудряется перепутать кнопки. В итоге наша песня становится последней из шести. К тому времени, когда она играет, посетителей остаётся мало. Я успеваю заметить, что те двое, которые пришли сразу после меня, съели по огромному десерту и перестали смотреть в телефоны. Остальное время я почти совсем забываю, кто ещё здесь сидит.

На переходе дождик стихает. Назар идёт чуть быстрее, пока мы не доходим до белой полосы, на которой холодная вода блестит совсем как стекло. Я беру его под руку. Он поворачивает голову и успевает сказать:

— Вот сейчас осторожно.

Мы переходим улицу. Я могла бы отпустить его на тротуаре. Иду так ещё до самой арки. Под ней сухие кирпичи, всё точно как он обещал.

У дверей общежития Назар придерживает тяжёлую створку носком кроссовки. Я хочу сказать, что в следующий раз место выбираю я. Уже открываю рот, а он достаёт из кармана куртки конверт.

— Это тебе.

На конверте написано «Сойке». Он даже точку поставил, как в письмах.

Я беру конверт за самый край. Бумага чуть тёплая. Он весь вечер носит её в кармане? Пока мы спорим из-за музыки, пока я краду у него картошку, пока на переходе сама бе-

ру его под руку?

— Я хотел отдать его ещё в кафе, — говорит Назар.

Из общежития выходят две девчонки. Одна здоровается с ним и придерживает подруге дверь. Я жду, пока они спустятся со ступенек.

— Когда ты позвал меня на свидание, ты уже знал?

Назар убирает ногу. Дверь за моей спиной с глухим стуком закрывается.

— Да.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.